

Это я только с виду лох

16 сентября известному актеру и режиссеру исполнилось 65 лет

- Вы не думайте, это я с виду такой лох, а на самом деле кое-что понимаю, - сразу предупредил Михаил Кокшенов. Кто бы сомневался: один из самых снимаемых в России актеров, у которого за спиной более ста фильмов, по определению не может быть лохом. И хотя любит себя Михал Михалыч любовно называть «Ваней с Пресни - по лбу тресни», при личном общении понимаешь - артист кокетничает.

- Михаил Михалыч, с какими достижениями встречаете юбилей?

- Вот закончил новый фильм, называется «Герой ее романа» по сценарию Владимира Екимова, с которым мы сейчас приступили к фильму «Племянник, или Русский бизнес - 2». Сюжет простой: приезжает нефтяной магнат средней руки в Москву погулять. Вскоре ему надоедают легкодоступные удовольствия, и он влюбляется в певицу из телевизора. Героя играет Алексей Булдаков, его помощники - Михаил Кокшенов и Валерий Гаркалин. Роль героини мы доверили молодой певице Юле Началовой.

- Это ведь не первый ваш фильм в качестве режиссера. Вы подались в режиссеры, потому что не было достойных мастеров жанра?

- Я подался в режиссеры в 92-м году, когда у нас все немножко остановилось. Тогда-то мне кто-то сказал: «Давай найдем любителей кино», это тогда так назывались спонсоры. «Любители кино» нашлись, мы «выписали» из Америки Савелия Крамарова и сняли фильм «Русский бизнес».

- Многое вам открылось после того, как вы стали по ту сторону камеры?

- Это было тяжело психологически. Помню, в первый съемочный день я отснялся в своей сцене и пошел собираться. Одежда, уже пошел к выходу и вдруг слышу голос Наташи Крачковской: «Миш, ты куда?» Я отвечаю: «Домой, я же уже отснялся!» «Дурак, ты же режиссер, ты здесь главный и должен быть до конца». Для меня это был шок, ведь актер настроен только на роль: отснялся четыре часа, и все - гуляй, рванина. А тут нужно оставаться до конца. Я потом Крачковской отомстил за этот эпизод. Мы снимали в Дагомысе фильм «Русский счет». Я сказал ей приходить на съемки к часу дня, хотя знал, что ее эпизод будет позже. Не учел только одного: на пляже поклонников много. На дворе стоял конец сентября, сезон раков, которые Наташа обожает. И вот ее окружили люди: «Наташа Леонидовна, чего изволите? Кофе? Чай? Раков?» Услышав заветное «раки», она тут же встала в стойку: «Раков хочу». И смотрю я со стороны, как она постепенно

скрывается за горой рачьих шкурок. Я ей периодически кричал: «Наташ, ты как?» «Нормально!» - отвечала она, а голос был все бодрее и бодрее. Словом, за те пару часов, что ей пришлось ждать начала своей сцены, она съела тонну раков и выпила мегалитр пива. В итоге у нее - то ли от жары, то ли от пива и раков - в глазу лопнул сосудик. Пришлось снимать ее с надвинутой на один глаз шляпой. И хотя по сюжету она дама солидная, вид у нее был абсолютно залихватский.

- Весело у вас на съемках! А то обычно страшат, что, мол, самые смешные фильмы снимаются в самой мрачной обстановке.

- По-разному бывает. Комедия - это точный жанр. Она снимается коротким планом, а это совсем другая техника. Я

пью чай, и идет пар от чая. А если бы кино было цветным, этот пар не был бы заметен. Вот такие нюансы он учитывает! Он один кадр озвучивает целый день, а фильм снимал семь лет. Но это того стоит, у него одни шаги по снегу - мурашки ползут по коже.

- А среди актеров у вас были учителя?

- Наверное, Савелий Крамаров. Это был потрясающий человек, академик мироощущения. Его знали все. Когда мы с ним куда-то ходили, он всегда говорил: «Это со мной». А потом и меня стали узнавать: «Ой, а это с вами тоже артист». И тогда он мне рассказал три стадии узнавания артиста. Первая стадия - когда тебя начинают с кем-то путать: «Извините, вы не из Тамбова случайно?» или «Вы не на мясокомбинате Останкинском работаете в разделочном цехе?». Вторая - когда тебя уже называют «артист». И третья - когда узнают по фамилии. И Крамаров мне все время говорил: «Вот когда пройдешь все три стадии, значит, состоялся». Он очень мудрым был человеком. И, как мне кажется, сбежал из России как раз из-за того, что его здесь знали все. И приставали так, что он по улице пройти не мог. Но когда он уехал в Америку, ему стало не хватать именно этого. Когда он приехал сниматься в «Русском бизнесе», то жаловался: «Там я езжу на «Мерседесе», живу в Сан-Франциско, где у меня дом. Но меня никто не узнает!»

- Правда, что в одном из первых своих фильмов - «Хозяин тайги» - вы чуть не погибли?

- Погибнуть мне бы никто не позволил, но несколько неприятных минут испытал. Снимали мы фильм в Красноярске. По сюжету, мой герой, бравый сплавщик, срывается с бревен, которые плывут по реке. Они ведь очень красиво бегают по этим бревнам, эти сплавщики. За меня бежал дублер, потом он «срывался», и тут в воду меня сажали. Только никто не предупредил, что, во-первых, вода в десять градусов очень бодрит, а во-вторых, сапоги резиновые, чтобы вода в них не попала, обычно перевязывают специальной проволокой. Я этого не знал и смело прыгнул в воду. Тут же вода наполнила сапоги до самых краев, и меня потащило на дно. Хорошо, я тут же уперся ногами во что-то твердое. Стою по шее в воде, камера работает. Говорю текст, а сам пытаюсь сапоги скинуть. Сам не помню, как удалось избавиться от сапог, еле заполз на лодку и тут слышу дикий вопль костюмерши: «Где сапоги?!»

- Ради съемок в кино вы бросили театр. А теперь опять выходите на подмостки. Трудно без сцены?

- Театр необходим актеру. Я работал в театре всю жизнь. Сначала в Театре

Михаил Кокшенов с боксером Гришей.

Маяковского, потом в Театре миниатюр в саду «Эрмитаж». Ушел я после того, как во время одного спектакля упал в голодный обморок. Это было во времена, когда я довольно много снимался. И на спектакль - а наш театр гастролировал по стране - ехал почти сутки. Сначала летел из Читы до Москвы, потом от Москвы до Тулы на электричке, потом от Тулы до нужного поселка на автобусе. И когда вышел на сцену и дали рампку, я - стокилограммовый бугай - тут же рухнул на пол. И решил тогда завязывать с театром. Сейчас, спустя много лет, опять вернулся. Играю в месяц семь-восемь спектаклей, и для меня это праздник. Без театра артист себя обкрадывает, обедняет.

В это время в комнату, где мы беседовали, ворвался боксер Гриша. С милым оскалом на морде он бросился на меня.

- Не бойтесь, это он с вами поцеловаться хочет, - успокоила меня супруга Михаила Кокшенова Лена. Пес действительно «поцеловался» со мной и величаво вышел из комнаты. Неожиданная пауза позволила поговорить напоследок о делах личных.

- У вас такая красивая супруга. А это правда, что вы с ней познакомились из-за бананов?

- Да, была такая история. Ехал я как-то по Пятницкой, смотрю, очередь громадная выстроилась. А как раз в то время в Москве появились эти заморские фрукты. И я подумал: «А не купить ли мне пару-тройку килограммов?» Остановливаясь, иду к началу очереди (меня так Савелий Крамаров учил: «Всегда иди в начало очереди!» - «Почему?» - «Там ближе!»). А вокруг все кричат: «Артист, нахал, без очереди лезет!» И тут я вижу, стоит девочка хорошая - во всех смыслах этого слова. Опять вспоминаю уроки Крамарова. Помню, он рассказывал: «С бабой познакомиться элементарно. Подходишь и говоришь:

- Скажите, пожалуйста.

Она:

- Я вас слушаю.

И тут ты задумчиво:

- Что бы такое спросить?

Если она улыбается, а обычно она улыбается, начинаешь гнать, что хочешь».

Так вот я и подошел к Лене, будущей своей жене. Попросил взять бананчиков без очереди, всего пару килограммов. Она мне и взяла пару килограммов.

Самое удивительное во всей этой истории, что сегодня ни Михаил Кокшенов, ни его супруга Лена бананы не едят.

Ольга САПРЫКИНА.
Фото из семейного альбома.

Кадр из фильма «Герой ее романа». Помощники миллионера Валерий Гаркалин и Михаил Кокшенов.

когда первый раз снимал фильм, вставил туда погоню. Машины гнали со скоростью невероятной. А потом я посмотрел во время монтажа - впечатление, будто мухи дохнут. Спрашиваю у опытного монтажера, в чем дело. Она мне и объяснила, что погоня в кино - это не просто гонки, это руль, колеса, глаза и музыка. И когда я подснял колеса, руки, вцепившиеся в руль, тормозящие ноги, и машины на экране полетели.

- Значит, пришлось учиться нелегкой режиссерской работе на легу?

- Настоящий режиссер - это дар свыше. Для меня было невероятным уроком и потрясением была работа у Алексея Германа в фильме «Хрусталев, машину!». Он снимал черно-белое кино, и я поначалу не мог понять: зачем? А у него, оказывается, так сняты сцены: разговаривает герой, они едят суп,